

Хунвэйбины медленно отступали, глядя на него. Этот безумный и красивый молодой человек, прошедший с начальником больше десяти лет войны, — они полностью верили, что этот адъютант может тут же «прикончить» их.

Они все проверили: у этого адъютанта нет ни отца, ни матери, даже место происхождения трудно установить, вся жизнь — перевороты и скитания, ни дома, ни имущества, по составу его можно отнести даже ниже бедняка, критикануть-то не за что.

И тогда они всей толпой ушли, как и пришли толпой. Адъютант Бай стоял в разгромленном доме командира дивизии, долго и неподвижно, потом медленно и молча начал собирать разбросанные по полу награды командира дивизии.

Через несколько дней он через двух старых ординарцев связался с американским миссионером, которого командир дивизия когда-то спас во время войны, тайно вывез за границу жену командира Ляна и одного сына. Затем распустил слуг из дома командира дивизии, сам обналичил имевшиеся у него продовольственные талоны, собрал вещи и отправился в лагерь трудового перевоспитания.

Прибыв в лагерь, он обнаружил, что бывший командир дивизии Лян, столь полный энергии на поле боя, уже тяжело болен. В «коровнике» было сыро, командиру Ляну было пятьдесят, старые раны с войны дали о себе знать, у него развилось воспаление легких, температура не спадала, и другие не решались за него заступаться.

Адъютанту Бай сердце сжималось от боли. Он понимал, что если оставаться в лагере трудового перевоспитания, командир дивизии точно умрет. Тогда он изо всех сил раздобыл две бутылки хорошего вина, угостил охранников, напоил нескольких дежурных и той же ночью бежал с командиром Ляном.

Те охранники, проснувшись, лишь громко кричали, что их обманули. Они не понимали, как этот хрупкий на вид, интеллигентный молодой человек смог нести почти метр девяносто ростом, высокого и крепкого командира дивизии и еще за ночь убежать так далеко.

Им было не до удивления, они спешно собрали людей и начали прочесывать горы. Три дня они блокировали и обыскивали горы, и наконец в грозу обнаружили двоих в заброшенном горном храме в полули от того места.

Командира Ляна адъютант Бай несколько дней поил отваром из найденных лекарственных трав, и тому стало лучше. Услышав людской шум в горах, он понял, что на него уже повесили ярлык самовольного побега, и если его поймают, то заколотят до смерти. Он улыбнулся адъютанту Бою.

— Старина Бай, сколько японцев мы убили, а теперь свои нас здесь уничтожают. Проклятый мир... Хорошо хоть, что ты в конце пришел ко мне, умирать не обидно.

Но адъютант Бай был очень спокоен. Он встал и отдал командиру Ляну воинское приветствие.

— Командир дивизии, я следовал за вами больше десяти лет войны, вы защищали меня больше десяти лет. Пришло время мне отплатить добром. Но сегодня мы оба не должны умереть здесь. Я не дам вам умереть.

Он медленно закатал один рукав командира Ляна. Молния осветила небо, и на руке командира Ляна был красочный тату-дракон. Это был золотой дракон, каждая чешуйка вытатуирована оживленно, только глаза дракона были пустыми, не хватало живости.

— Если бы не было грозы, я бы мог прятать вас еще несколько дней. Сегодня ударила молния — это моя неспособность, не смогу защищать вас долго. — Он смотрел в глаза командира Ляна и медленно сказал:

— На вашем теле вытатуировано девять золотых драконов, но ни одному не прорисованы глаза. Потому что если нарисовать дракону глаза, он оживет.

Командир Лян опешил, глядя на молодого адъютанта с неизменным лицом. Каким этот юноша был больше десяти лет назад, таким и остался спустя больше десяти лет, время не оставило на его лице ни следа.

— Уходи, старина Бай. Уже столько лет прошло, я-то постарел, а ты все такой же. Пока они еще не поднялись в горы, беги скорее, больше не заботься обо мне. — Командир Лян не мог не вздохнуть с чувством.

— Командир дивизии, вы согласны в конце взять меня с собой? Я следовал за вами большую часть жизни, до сих пор не хочу уходить. Вы говорили, больше десяти лет назад ваш мастер нанес вам на тело девять драконов, продлевающих жизнь. Теперь я нарисую им глаза. Когда закончу, вам больше не придется терпеть муки этого мира.

Командир Лян долго молча смотрел в глубокие, твердые черные глаза юноши перед ним. Наконец он усмехнулся, вздохнул и кивнул.

На лице адъютанта Бая мелькнула улыбка. Он разбил глиняные статуи в горном храме, смешал с дождевой водой рассыпавшийся порошок киновари. Снаружи храма бушевали гром и молнии. Он обмакнул кисть в киноварь и медленно начал рисовать пустые глаза дракона на тату золотого дракона на руке командира Ляна, одного за другим.

С каждым мазком киновари снаружи раздавался удар грома, ветер и дождь становились все яростнее, сбивая с ног охранников из лагеря, поднимавшихся в горы для поимки. Когда они наконец выломали дверь храма, чтобы схватить двоих, кисть с киноварью как раз дорисовывала глаза последнему золотому дракону в центре спины командира Ляна.

Никто точно не знает, что произошло потом. Большинство из тех, кто вернулся, несколько дней болели. Когда организация проводила допрос, они все мямлили, не могли толком объяснить.

Только когда времена успокоились, кто-то перед смертью бормотал, что видел в том разрушенном храме дракона, как на картинах, золотых драконов, множество собралось вместе, летали среди молний, а фигур командира дивизии и адъютанта вовсе не было видно.

Его дети и внуки стояли у постели, считая, что старик перед смертью заговаривается, горько плакали, били по кровати и по земле, но не придавали этому значения.

А после этого никто больше не видел командира дивизии Ляна и адъютанта Бая.

— Но разве ты не говорил, что у того командира дивизии был сын, отправленный в США?

Спустя мгновение Шэнь Цин, разинув рот, пришел в себя. Эта история, легендарная и загадочная, заворожала его, и только через некоторое время он вспомнил, что нужно спросить.

— Да, тот молодой господин Лян Лин, которого ты видел только что, и есть старший внук того

самого старого командира дивизии Ляна. — Мужчина по имени Ван Ли вошел в переднюю комнату и осклабился. — Потом семья Лян вернулась из США. Начиная со второго поколения, потомки обрели некоторые чудесные способности.

— Семья Лян потом стала почитать небожителя, почитают Белую змею, то есть Люсяня. — Цинь Хай лениво закурил трубку, поднес к губам, затянулся и выдохнул струйку дыма. — Но глава семьи Лян не почитает змею. Главами всегда становятся самые могущественные. Кого именно они почитают как главного духа-покровителя, я точно сказать не могу. Никто не видел.

— Ты, когда едешь по делам... много повидал, разбираешься, и ты тоже в это веришь? — осторожно испытывал Шэнь Цин.

— А почему бы не верить? — фыркнул Цинь Хай. — Я не верю, что в мире есть оборотни, это всего лишь история. Но у семьи Лян действительно есть некоторые способности. Приезжало несколько застройщиков, всем понравилась эта большая земля, но никто не мог оставаться надолго. Только председатель Лу крепок, продержался три года.

— Почему не могли оставаться надолго? — Шэнь Цин почувствовал, что в этих словах есть что-то зловещее.

— Предыдущие застройщики, как говорят, попадали в аварии, у некоторых внезапно обнаруживали рак, были и те, кто умирал от инфаркта. Но председатель Лу, грубо говоря, у него слишком твердые показатели восьми иероглифов, с ним ничего не происходит. Ты представляешь, как велика эта земля? Получить ее — деньги, как гора золота и серебра, не пересчитать.

Цинь Хай постучал трубкой, задумчиво держа во рту нефритовый мундштук.

— Вы не беспокойтесь. — Ван Ли торопился прибраться в лавке. — Как говорится в старинной поговорке, злые духи боятся мясников, у тех, кто убил много людей, такая мощная аура смерти, что даже призраки их боятся. Господин Лу, хе, прошел войну, потом вращался в криминальных кругах, количество жизней на его руках он и сам не счесть...

Цинь Хай бросил на него взгляд, Ван Ли поспешно прикрыл рот и глупо улыбнулся Шэнь Цину.

— Чушь несешь, хе-хе.

И потом снова убежал.

— Этот Цинь Хай, слова у него всегда туманные, ты знаешь, что ему нужно? Деловой человек, в глазах только выгода.

Спустя мгновение Шэнь Цин, полный раздумий, вернулся с Лу Тяньмином в гостиницу. Последний, услышав рассказанную ему Цинь Хаем историю, лишь фыркнул.

— Он специально рассказал это, потому что знает, что ты не веришь в нечисть! — Шэнь Цин, видя, как Лу Тяньмин спокоен и уверен в себе, немного рассердился.

— Он рассказал тебе это, потому что считает тебя легковверным. — Лу Тяньмин стоял у окна, ловко зажигая сигару. — Я получил тендерную документацию и правительственные разрешения, которые он хотел. Он еще надеется, что ты мне на ушко нашепчешь, чтобы я свернул этот проект.

— Я не думаю, что... — Шэнь Цин хотел его уговорить, но Лу Тяньмин покачал рукой. Он знал, что если продолжит, Лу Тяньмин разозлится. Этот диктаторский характер, прямо как у милитариста, просто под расстрел.

Они жили в двухместном номере, по кровати на человека. Шэнь Цин устроился на кровати, грыз печенье, размышляя о истории, рассказанной Цинь Хаем, и не зная, насколько она правдива. Неужели правда, что несколько застройщиков ушли?

Лу Тяньмин принимал душ. Шэнь Цин услышал, как вода перестала течь, а затем — кашель Лу Тяньмина.

Шэнь Цин приподнялся. Сначала он не придал значения, но кашель становился все сильнее, и он поспешил открыть дверь душевой.

— Эй, эй... что с тобой?!

<http://bllate.org/book/15584/1392050>